

Абрамова Л.Л.

О ВОЗМОЖНОСТИ И НЕОБХОДИМОСТИ ПРИМЕНЕНИЯ ПРИНУЖДЕНИЯ В СТАДИИ ВОЗБУЖДЕНИЯ УГОЛОВНОГО ДЕЛА

Рассматривается дискуссионный вопрос регламентации применения принуждения в первоначальной стадии российского уголовного процесса. Анализируются позиции ученых по данной проблематике. Проводится сравнительный анализ зарубежного и отечественного законодательства в данной области. Обращено внимание на необходимость совершенствования действующей модели деятельности властных субъектов в стадии возбуждения уголовного дела.

За период действия УПК РФ система процессуальных действий, разрешенных для проведения на начальном этапе уголовно-процессуальной деятельности, претерпевала многочисленные изменения. Большинство из них связано с расширением возможностей властных субъектов. Прежде всего это выражалось в увеличении перечня следственных действий, производство которых возможно в рамках проверки сообщения о преступлении. Между тем вопрос применения принуждения в ходе «доследственной» проверки продолжается оставаться неприкосновенным. В числе отрицательных доводов преобразований звучит общий тезис о том, что такое принуждение противоречит целям, задачам и самой сущности первоначальной стадии. С другой же стороны, обнаруживаются факторы, указывающие не только на возможность, но и объективную необходимость принуждения.

В современной уголовно-процессуальной науке все активнее утверждается позиция об объективной необходимости совершенствования принудительного потенциала субъектов принятия решений.

Так, возможность применения принуждения при проверке информации о преступлении констатируют авторитетные процессуалисты, отмечая, что до возбуждения дела могут быть проведены непринудительные процессуальные, а также предусмотренные иными нормативными актами не процессуальные действия. До принятия решения о начале расследования возможно фактическое (полицейское) задержание и доставление лиц, подозреваемых в совершении преступлений [1, с. 331]. Я.П. Ряполова в исследовании о процессуальных действиях, проводимых в стадии возбуждения уголовного дела, допускает проведение: 1) фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления; 2) доставления задержанного лица в орган дознания или следователю; 3) в отдельных случаях – сообщение прокурору и уведомление иных поименованных в ст. 96 УПК РФ лиц о произведенном задержании. Она считает необходимым предусмотреть составление протокола доставления в орган дознания или к следова-

телю задержанного лица [2, с. 11]. А.С. Виноградов и Т.О. Бозиев подтверждают, что отдельные меры принудительного характера могут применяться и к участникам предварительной проверки [3, с. 28].

Приведенные взгляды процессуалистов, а также практический опыт работы автора в следственных подразделениях позволяют сделать вывод, что процессуальный закон в части регулирования порядка получения и проверки фактических данных о признаках совершенного деяния ограничивает возможности не только правоприменителей, но и лиц, в отношении которых проводится проверка. В ряде случаев лица, подвергнутые фактическому задержанию, находятся в «неопределенном» статусе, ожидая дачи правовой оценки действиям без какого-либо оформления, в то время как 48-часовой срок ограничения свободы исчисляется с момента фактического задержания, соответственно, фиксация времени фактического задержания имеет большое значение. На практике данный момент отражается в различных рапортах, книге доставления задержанных и прочих непроцессуальных документах. При этом целью задержания как обеспечительной меры является создание условий для проведения предварительной проверки имеющихся сведений о преступном событии, с тем чтобы были проверены факты, подтверждены или устранены конкретные подозрения, обосновывающие задержание, подготовлены необходимые документы для обоснования решения о начале предварительного расследования.

Интересен в этом плане подход В.Т. Томина, предлагавшего задержание подозреваемого включить в систему поводов для возбуждения уголовного дела [4, с. 116]. Такая позиция вполне жизнеспособна, с той оговоркой, что речь идет о фактическом задержании, например, в тех случаях, когда лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после него.

Отметим, что в странах постсоветского пространства данная проблема успешно разрешена. Так, ст. 329 УПК Узбекистана предполагает задержание лица в ходе проведения предварительной проверки [5]. В соответствии со ст. 173 УПК Республики Беларусь на этом этапе допускается производить задержание и личный обыск задержанного. Согласно ст. 92 УПК Республики Таджикистан предполагается возможность задержания лица, заподозренного в совершении преступления по непосредственно возникшему подозрению, до возбуждения уголовного дела. При этом вопрос о начале расследования должен быть решен в течение 12 часов с момента фактического задержания [6, с. 51].

Положения § 163b (абзац 2) УПК ФРГ также допускают задержание лица, не являющегося подозреваемым, если и поскольку это целесообразно для раскрытия уголовного деяния [7].

Не видим препятствий к применению и отдельных иных мер принуждения для обеспечения целей установления фактических оснований для начала предварительного расследования. Полагаем, что относительная

мягкость обязательства о явке не противоречит задачам первоначального этапа процесса¹.

Возможность принудительного доставления граждан для дачи объяснений о преступных событиях корреспондировала бы к положениям п. 3 ч. 1 ст. 11 Закона о Полиции, предусматривающим право вызывать граждан и должностных лиц в связи с проверкой сообщений о преступлениях, получать необходимые объяснения, справки, документы (их копии); подвергать приводу граждан и должностных лиц, уклоняющихся без уважительных причин от явки по вызову.

Фактическим основанием привода служит неявка по вызову без уважительных причин. Безусловно, факт и неуважительность неявки, так же как и уведомления о явке, должны быть зафиксированы в материалах производства. Закон не определяет критерии уважительности причин неявки. В теории к таковым относят: болезнь, отсутствие транспортной связи, смерть и похороны близкого родственника, несвоевременное получение повестки и т.д. Иные причины неявки, связанные с работой, службой, предпринимательством, с учетом, конкретных обстоятельств, относятся к неуважительным [8, с. 146].

Применение иных мер принуждения в виде временного отстранения от должности, денежного взыскания и наложения ареста на имущество в ходе проверочной деятельности считаем невозможным ввиду существенности ограничения конституционных прав.

Несостоятельность опасений в части возможных злоупотреблений, связанных с применением принуждения, можно аргументировать следующим.

Во-первых, как верно отмечают Б.Б. Булатов, К.В. Муравьев, применение принуждения в ходе предварительной проверки ограничено рамками таких принципов, как уважение чести и достоинства личности, неприкосновенности личности, охраны прав и свобод человека и гражданина, неприкосновенности жилища, тайны переписки, телефонных и иных переговоров, почтовых, телеграфных и иных сообщений [9, с. 146]. Во-вторых, законодательство большинства зарубежных стран предполагает возможность производства следственных и иных процессуальных действий, в том числе связанных с существенным ограничением конституционных прав, с момента поступления сообщения о преступлении. В-третьих, применение принуждения должно быть обосновано наличием фактических данных, дающих возможность для его применения в ходе проведения конкретных следственных и процессуальных действий. В-четвертых, в соответствии со ст. 19 УПК РФ действия (бездействие) должностных лиц могут быть обжалованы в порядке, установленном гл. 16 УПК РФ. В-пятых, возможность участия

¹ Проведенный опрос следователей и дознавателей показал, что 100 % опрошенных не имели в практике случаев обжалования обязательства о явке.

защитника с момента начала любой обвинительной деятельности служит базовой конституционной гарантией обеспечения прав и свобод лица уже в ходе формирования фактических оснований для начала предварительного расследования.

В завершение, напомним, что по изначальному замыслу законодателя фактологическую основу предварительного расследования предписывалось решать непроцессуальными средствами. Такой метод правового регулирования со своей концептуальной «полупроцессуальностью» был призван оберегать граждан от преждевременного компрометирующего связывания с уголовным судопроизводством [10, с. 112]. В современный период произошел заметный крен в сторону процессуализации, формализации деятельности. Именно этим обусловлена острая постановка вопроса о возможности применения государственного принуждения при совершенствовании модели деятельности в первоначальной стадии уголовного процесса.

1. Смирнов А.В., Калиновский К.Б. Уголовный процесс: учебник для вузов. СПб., 2008. С. 331.

2. Ряполова Я.П. Процессуальные действия, проводимые в стадии возбуждения уголовного дела: правовые, теоретические и организационные основы: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013. С. 11.

3. Виноградов А.С., Бозиев Т.О. Производство процессуальных действий при проверке сообщения о преступлении: уч. пос. для вузов. Гатчина, 2017. С. 28.

4. Томин В.Т. Острые углы уголовного судопроизводства. М., 1991. С. 116.

5. Уголовно-процессуальный кодекс Республики Узбекистан [Электронный ресурс]: утв. Законом Республики Узбекистан от 22 сентября 1994 г. № 2013-ХП: с изменениями и дополнениями по состоянию на 7 декабря 2021 г. URL: <https://online.zakon.kz> (дата обращения: 27.08.2024).

6. Виноградов А.С. Процессуальное задержание по Уголовно-процессуальным кодексам Российской Федерации и Республики Таджикистан // Журнал правовых и экономических исследований. 2021. № 1. С. 51.

7. Головненков П.В. Уголовно-процессуальный кодекс Федеративной Республики Германия. Научно-практический комментарий и перевод текста закона [Электронный ресурс]. URL: <https://publishup.uni-potsdam.de/opus4-ubp/frontdoor/deliver/index/docId/6039/file/sdrs02.pdf>. С. 51 (дата обращения: 27.08.2024).

8. Безлепкин Б.Т. Настольная книга следователя и дознавателя. 4-е изд., перераб. и доп. М., 2016. С. 146.

9. Булатов Б.Б., Муравьев К.В. Институт мер пресечения в УПК Российской Федерации: динамика развития и перспективы совершенствования // Законы России: опыт, анализ, практика. 2021. № 6. С. 23–30.

10. Николаев Ю.А. О месте и значении стадии возбуждения уголовного дела в системе уголовного судопроизводства // Судебно-правовая реформа в России и современные проблемы выявления и расследования преступлений: мат-лы науч.-практ. конф. Омск, 2002. С. 112.

Сведения об авторе

Абрамова Любовь Леонидовна. Кандидат юридических наук. Начальник кафедры уголовного процесса.

Сибирский юридический институт МВД России.

660131, Российская Федерация, г. Красноярск, ул. Рокоссовского, д. 20.

Ключевые слова: принуждение, проверка сообщения о преступлении, стадия возбуждения уголовного дела, задержание, привод, обязательство о явке.

Авдеев В.Н.

НЕКОТОРЫЕ АСПЕКТЫ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И РАЗВИТИЯ ИНСТИТУТА РЕАБИЛИТАЦИИ В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ РОССИИ

В статье дается краткая характеристика становления института реабилитации в уголовном процессе России. При этом значительное внимание уделено предписаниям, изложенным в проектах УПК РФ, подготовленных в 1994 и 1995 гг., а также положения Модельного УПК государств – участников СНГ 1996 г.

В деятельности органов предварительного расследования и суда, к сожалению, продолжают иметь место случаи незаконного и необоснованного уголовного преследования, и осуждения. Перед государством в данном случае стоит обязанность по незамедлительной отмене такого незаконного решения и устранению негативных последствий, вызванных указанными действиями (ст. 53 Конституции РФ).

В уголовном судопроизводстве России в качестве инструмента реализации указанного предусмотрен институт реабилитации (гл. 18 УПК РФ).

Следует отметить, что таковой в своем развитии прошел достаточно длительный путь. Так, впервые предписания относительно возможности возмещения причиненного уголовным преследованием ущерба гражданину нашли свое отражение в Уставе уголовного судопроизводства от 20 ноября 1864 г. [1]